

Сергей Пустовойтов «Обретение» и другие рассказы

Современная проза

Сергей Пустовойтов

**«Обретение» и другие
рассказы. Современная проза**

«Издательские решения»

Пустовойтов С.

«Обретение» и другие рассказы. Современная проза /
С. Пустовойтов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904552-2

Любовь — великое чувство. Глубоко укрытая, запрещенная, тайная, она все равно дождетя своего часа. Об этом рассказы, а также о дружбе между людьми, которые, казалось, могут быть только врагами.

ISBN 978-5-44-904552-2

© Пустовойтов С.
© Издательские решения

Содержание

ОБРЕТЕНИЕ	6
ПИСЬМА ЛЕЙЛЕ	6
АНДРЕЙ	16
ПРОШЛИ ГОДЫ	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

«Обретение» и другие рассказы

Современная проза

Сергей Пустовойтов

© Сергей Пустовойтов, 2018

ISBN 978-5-4490-4552-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Сборник «Обретение» составлен из рассказов, маленьких и больших, сюжетных молний и сюжетных линий, переплетений характеров и человеческих судеб. Обретение души человека происходит на протяжении всей его жизни и все случайности, на самом деле, закономерны.

Возрастное ограничение для чтения до 18 лет.

«...Прием здесь в отличие от первого помещения, был оказан на высшем уровне. Его просто втянули, всосали во внутренние «палаты», умастили ароматной смазкой и погнали по нему волны райской музыки и вибрации, от которых он сам запел, загудел, и тут же, его «гонцы», принесли лаву «подарков», изливаемую к престолу «королевы зала – матери бытия»...

ОБРЕТЕНИЕ

ПИСЬМА ЛЕЙЛЕ

«Любовь моя, в этом мире все так устроено, или ты себе нужна и тогда нужна всем, или ты не нужна никому. Твое решение не размениваться и ждать теперь своего единственного, я приветствую, ведь я и не могла ожидать от тебя другого поступка.

Хорошо конечно, когда такое решение принимает девственница. Однако, ты уже давно не в этой когорте, а значит, в отношении тебя действуют другие законы. Одним из них является закон отрицания. Вижу, что ты сразу и не поняла того, что с тобой происходит после принятия такого решения. А это запустился в отношении тебя именно этот закон. Когда святая печаль твоей нынешней неприступности, ударяет тебя же саму, куда сильнее, печали каждого отвергаемого тобой мужчины. Что-то до этой поры не ведомое, вне всякой зависимости от твоих желаний, начинает изменять твою внешность и состояние души. Изо дня в день теряет силу былая привлекательность, и ты становишься сравнима с цветком, еще недавно сияющим в своей принадлежности вселенной, а ныне сорванным в угоду кому-то одному и вступившему в стадию увядания. Но что более всего печалит меня в твоём решении, так это то, что все это приведет тебя к такому финалу, когда ты будешь отвержена и тем, ради которого это всё затеяла. Ты женщина, в главном смысле этого слова, так как однажды отдала от плода познания добра и зла и сейчас, сдерживая свои желания в удовлетворении похоти плоти, ты воюешь против себя самой и ни как иначе. Ведь жизнь твоего тела возможна теперь только в подпитке энергией эроса, а иначе его ждет быстрое старение.

Творец раскинул для тебя луга и родники, они жаждут твоих прикосновений, мир сладострастия теперь и твой мир и другого не будет, если только ты чудом не войдешь в утробу своей матери и не родишься вновь в девственном состоянии...

Живи, бери всё, наслаждайся жизнью, всему радуйся, за все благодари, всего надейся, никого понравившегося тебе не отвергай, за все прощай себя и всех. А главное люби тех, кто тебя страстно желает и саму себя.

Прям сейчас, отложи письмо и взгляни на себя, и ты поймешь, что я права и то, что времени на размышления у тебя почти нет».

И действительно, зеркальное отражение, являло уже кого-то другого. Та, смотрящая из зазеркалья девушка, потеряла, чертовскую привлекательную искорку в глазах. Фигура, особенно плечи, сдвинулись в сторону утяжеления и само лицо, некогда привлекательно-чарующее, совершенно потеряло былые эротическое звучание и стало обычным.

– Боже, она права! – воскликнула в сердцах Лейла и продолжила читать письмо подруги.

«Желание верности, такое притягательное для девственного и вечного духа, совершенно не приемлемо смертной плоти, жаждущей за короткий отрезок жизни ощутить в полноте все ее прелести и главную из них – прелесть сексуального соития. Сексуальное наслаждение боготворит плоть, так как она так может прикоснуться к источнику вечной любви и уподобиться воспаряющему духу. Убегает уныние, влюбленность вдохновляет на перемены, перемены насылают новую влюбленность. Ты начинаешь нравиться самой себе, когда видишь, что тебя любят. Но и тебя скорее полюбят, если ты нравишься самой себе. Круг замыкается, и вот тебя подхватила и кружит любовь. А вначале нужно начинать с того, что есть под рукой. Любой драгоценный камень до огранки, просто камень, просто порода, просто плоть земли.

Он может на веки остаться в грязи, а может после обработки радовать взоры миллионов.

Что значит любить себя?

Не советую испытывать на себе приемы требовательной любви, такой как любовь строгого учителя и доброго начальника тюрьмы усиленного режима, как это ты пытаешься сейчас делать. Любовь подобна воздушному змею, подхватываемому новыми и новыми потоками воздушных масс, и поднимаемому ими все выше и выше. И уже в восторге все задирают на тебя головы и удивляются, как это раньше не видели рядом такой прелести и великолепия.

Цени то чувство, которое обращено к тебе сейчас и исполняй то действие, к которому оно тебя влечет. Ни одного дня, ни секунды без ласк, без любви, без этой необходимой огранки.

У меня была подруга, которая на выпускном бале решила и стала женщиной, а ее одноклассник, сделавший ее по-новому счастливой, тут же, после непродолжительного совместного летнего наслаждения загремел в армию. А что ей оставалось делать, когда соитие стало ее сущностью? Ждать его два года и тереться о подушку? И она решила, где-то внутри себя; и ждать, и не останавливаться, не закрывать себя миру и его претендентам на ее прелести.

Она поступала в медицинский институт на хирургическое отделение и однажды, когда ехала в автобусе, на очередной экзамен, поймала на себе пристальный взгляд симпатичного и высокого парня. Он вышел на остановке следом и, смущаясь, произнес:

– Я загадал, если вы сойдете на моей остановке, то обязательно познакомлюсь с вами. Я понимаю, что уличное знакомство не то, чего ожидает порядочная девушка, но я от вашей внешности сам не свой.

Он назвал своё имя, и оно совпало с именем ее парня защищающего родину. Это простое совпадение и их внешнее сходство так на нее повлияло, что она чуть не потеряла сознание. Парень успел подхватить ее и она, оказавшись в его крепких руках, назвала свое имя, и позволила проводить ее к зданию института, и приняла приглашение на свидание, которое он назначил у памятника Абаю, ровно через неделю, в одиннадцать часов дня.

Через неделю, совершенно влюбившись в него в своих мечтах и юном воображении, она опоздала на автобус и на свидание на целых два часа, но он не ушел и дождался ее, так как кроме ее имени и места назначенной встречи у него ничего не было. Если бы он ушел, то потерял бы ее, а она его.

Он дождался, а она это оценила и сходу поцеловала его в губы. Все ее тело дрожало, низ живота, как будь-то стянуло и сердце колотилось с бешеной скоростью. Он перебирал свои крепкие ладони по ее спине и прижимался к ее груди, которая ощущала стук его сердца. Для нее не существовало уже потока прохожих, она забыла всех, кого знала до этой минуты, ее мир совокупился с его миром и представлял нечто единое состоящее из этого парня и ее самой, но уже совершенно другой, радостной и живой, восставшей из небытия и печали для новых переживаний.

Они целовались в потоке прохожих так страстно, так ненасытно, видимо потому, что этого могло не случиться никогда или через секунду это уже не было бы так ново, или они всю жизнь ждали и получили именно то, чего достойны и чего, по-видимому, как им казалось, не достойны, но все же получили. И вот получив друг друга, они, наконец-то открыли глаза и взглянули в них...

Блеск всех драгоценностей мира был прахом в сравнении с блеском их глаз.

Они развили свои отношения до состояния готовности вечного совместного бытия. Ни одного вечера они не проводили без общения, ласк и поцелуев. Они дышали и не могли насытиться своей влюбленностью. Так незаметно пролетели два года.

В один из заснеженных зимних вечеров он пришел к общежитию и попросил вахтера позвать свою ненаглядную и любимую, на что вахтер ответила:

– Её уже вызвал такой же высокий, красивый и кучерявый, но военный!

Он нашел их стоящих под деревом у детского ледового катка. Медленно падающие снежинки, освященные прожекторами, приземлялись на их разгоряченные щеки и таяли.

Она вся сияла и ее глаза, почти не моргая, смотрели на парня в солдатской шинели. Он был действительно его двойником, только уже отдавшим долг родине, двойником, не успевшим снять шинель в спешке на встречу к любимой, ... к их общей любимой.

Всё это время она ждала только его, никогда о нем не обмолвилась, но сохранила и усилила сияние своей природы и верности, как это и не странно звучит.

Этот солдат стал ее мужем. Она родила ему двух сыновей. Он построил дом, жизнь их ныне протекает счастливо.

Другая подруга с похожим началом судьбы сохраняла верность. Никуда и ни с кем не ходила все два года, пока не вернулся ее парень. Всю свою душу она излила в письмах к нему. Когда он вернулся, то они уже были чужими людьми. Мужчины любят глазами, а она потеряла былой шарм. Женщины любят ушами, а ему нечего было сказать».

В дверь позвонили. Лейла накинула халат на голое тело и отворила ее. На пороге стоял Рустам. Он резко замахнулся рукой и ударом кулака, пришедшего прямо в лоб, сшиб ее с ног...

Раздался звонок. Лейла, зная, что это Рустам, сразу открыла дверь. В руках милого блеснул нож и в области живота, что-то теплое принялось расширять свое пространство...

Звонок работал не прерывно. Лейла открыла входную дверь, и взгляд Рустама, кольнул ее в самое сердце, он все знает, он желает ей зла...

Боже, я же сплю, а в дверь всё звонят и звонят. Наконец-то поняла девушка. Она накинула халат и подумала, не зайти ли на кухню и не подложить под халат разделочную доску, но не сделала этого и пошаркала до двери.

– Кто там? – спросила она и, посмотрев в дверной глазок, увидела букет алых роз и тут же открыла дверь.

– Это всего лишь я! Костя шагнул в дверной проем и вручил цветы девушке.

Девушка, до конца еще не придя в себя от сновидений, двинулась на кухню за вазой для цветов. Набрала в нее воды и в это время ощутила под халатом в районе ягодич поцелуй. Потом еще один и еще... Константин, стоя на коленях и нырнув с головой под ее халат, жадно орудовал языком и губами в области ее промежности. От неожиданности Лейла чуть не уронила вазу с букетом. Но оправившись от такого натиска, отставила вазу и, опершись руками о мойку, слегка прогнулась в области таза, оттопырив попку. Брюки парня сползли до колен, и он вонзил свой жезл в подготовленное отверстие. Холодные ягодичи приятно прилипали к его животу, а «жезл» внутри нее гудел и сотрясался как ракета перед стартом.

«Вот оно это тепло, растекающееся в области таза и живота, вот этот „нож“, вот этот сон, сбывающийся наяву», подумала девушка. Именно в это время ее накрыла новая приятная волна ни с чем несравнимого удовольствия от полового соития с мужчиной. «Ну и пусть не Рустам, а Костя! Теперь разницы нет, теперь только впитывать в себя все эти вибрации и не останавливаться, ни за что не останавливаться», думала она всё еще просыпающимися клетками мозга.

А Костя и не собирался останавливаться, он был сам не свой, такой неистовый и напористый, жаждущий ее тела и ненасытный. Лейла снова потеряла цепочку мыслей удерживающих ее сознание в реальном мире. Зеркальный кафель вдоль мойки отражал позади кухонный стол, на котором сидели два ангела мужского и женского облика и играли друг с другом ладошками. Когда кто-то из них промахивался, другой получал от напарника ладонью в лоб.

Лейла соскользнула руками в мойку и ее груди прижались к холодному металлу, лицо придвинулось к зеркальной поверхности вплотную, и пар ее дыхания покрыл эту поверхность и поглотил ангелов. Лейла закричала от неожиданного удовольствия и, теряя рассудок, подбородком задела ручку смесителя... Поток холодной воды превратил в доли секунды крик сладострастия в крик испуга, а потом все в нескончаемый хохот.

– Ты зачем пришел? Я другого люблю и его жду!

– Хорошо ждешь. Приятно, не правда ли? – заметил Константин.

– Да уж приятно. Теперь голову сушить надо. Если бы ты не был таким нудой и чрезмерно заботливым, да еще «перспективным» в плане карьеры, то я ждала бы тебя...

Но ты, похоже, со своей бей бабой, вряд ли расстанешься. Зачем дочку народили? Меня сколько лет баснями кормил зачем?

– Если так, как сейчас, то лучше не надо. Пусть я буду лучше реальным любовником, но не мужем – рогоносцем, – парировал Костя.

– Так Рустам еще и не муж! Я ему, пока не жена!

– Точно так. А уже рогатый! Только рожки короткие, совсем махонькие еще.

С этими словами Костя двинулся к Лейле, подхватил ее вместе со стулом и закружил к спальню комнате, где еще под одеялом сохранилось тепло тела девушки. Он аккуратно положил «приятную ношу» на кровать лицом к себе, широко раздвинул ее ноги и, прикрыв своей ладонью вульву, поцеловал ее в губы. Клитор и половые губы набухли. Лейла ощутила, как пульсирует в его горячей ладонке, пробиваясь по артериям, венам и капиллярам кровь. Она еле заметно шевельнула тазом, он окунул два пальца во влагалище и, касаясь верхней стенки, завибрировал ими.

– Ну, где ты? Уже заходи давай! Прошептала она, и не успела закрыть рот, как в нем оказалось то, чего Лейла ждала во внутреннем зале приема важных гостей. Головка члена упиралась во внутренний язычок и нёбо, норовя перекрыть дыхание и пробраться к голосовым связкам. Лейла вонзила ногти в зад Константина, и он тут же, осознав ошибку, отправил своего друга в зал для важных гостей. Прием здесь в отличие от первого помещения, был оказан на высшем уровне. Его просто втянули, всосали во внутренние «палаты», умастили ароматной смазкой и погнали по нему волны райской музыки и вибрации, от которых он сам запел, загудел, и тут же, его «гонцы», принесли лаву «подарков», изливаемую к престолу «королевы зала – матери бытия»...

Потом был второй прием.

И третьего приема не пришлось ждать. Он последовал незамедлительно за вторым и был так продолжителен по времени, что когда закончился, внешние «шторки зала для важных приемов» еще долго горели малиновым отливом и источали тепло.

Это тепло напоминало о себе всё утро, в аудитории института, вплоть до последней пары занятий. В голове девушки не сохранилось ни одной фразы произнесенной на лекциях преподавателями, ни одного диалога проведенного с сокурсниками.

«Да, Люда тысячу раз права! Ее письмо изменило мое решение, и жизнь сразу же отозвалась буйством красок и ощущений», – думала Лейла по дороге из института домой.

А в это же время Константин, отвергнутый ею, когда-то в качестве жениха, но не отвергнутый в качестве любовника, а вернее спортивно-сексуального партнера, а еще точнее огранщика ее «алмаза», сидел в обеденное время, запершись в рабочем кабинете, и просматривал видеозапись своего утреннего сексуального шедевра. Именно в этот раз ему удалось положить сотовый телефон с включенной камерой в нужном месте, в правильном ракурсе. А, главное, быть самому на высоте сексуального полета, запечатленного теперь для истории. Это видео заводило, зажигало, вздымало его сексуальное начало лучше любого возбудителя. И он уже режиссировал в своем воображении новые сцены постельных утех

с Лейлой. Он открыл сейф и достал из него початую бутылку виски, глотнул прямо из горлышка и процитировал Омара Хайяма:

Вино для умных – рай.
Вино для глупых – ад;
Ты пей, но меру знай,
Вино сверх меры – яд...

Выпитый виски сморил Константина и его мысли побежали совершенно в неожиданном направлении. Он подумал об ангелах, которые, видимо, совсем не спят, а иногда, слегка дремлют и в этой дрёме они мечтательно уносятся в те времена, когда людей на земле было мало, и работа ангелам была не в тягость, а главное, не было этих ужасных спутников на орбите, пытающихся все взять под контроль. Кто – то ему по секрету открыл, что Ангелы готовят нападение на эти искусственные спутники, чтобы все их поймать в сеть и опустить на землю в Тунгусскую впадину. Только в этот раз, в отличие от первого нападения, когда они сожгли все спутники предыдущей цивилизации, они решили не сжигать их, а немного оплавить и оставить, как памятник-напоминание и предупреждение людям не засорять более небо, а оставить его чистым для сияния звезд ночью и солнца днем.

Как любой мужчина, если у него нет беспокойства о выживании, начинает думать об удовлетворении своих сексуальных потребностей, так и Костя, думал только о выбросе своей сексуальной энергии. Он занимался бизнесом, яхтами и театром, а философия его жизни строилась на четверостишиях любимого поэта О. Хайяма:

*«Вино пить грех?
– Подумай, не спеши,
Сам против жизни явно не греши.
В ад посылать из-за вина и женщин?
Тогда в раю, наверно, ни души.*

Играть в жизни. Играть жизнью. Только действовать! После некой дремы в нем созрел новый план оживления жизни.

План был таков: развести на секс жену друга по телефону и так проверить ее «внутренние» потребности. И даже не проверить, а просто поиграть в жизни.

Друг дал добро и привез тут же новую СИМ карту и просил сразу же всё докладывать.

Костя заменил СИМ карту в своем сотовом телефоне и набрал СМС жене друга, а вернее знакомого. Эта женщина давно ему нравилась, но близко они знакомы небыли.

И вот побежали первые сообщения:

– Привет! Давайте знакомиться. Видел вас не раз, в восторге от внешних данных.

– Если не ответите, буду ждать вас на выходе из НИИПи в 12 часов.

– Я русский, блондин, высокий, глаза серо-голубые.

Наконец спустя семь минут пробился ответ:

– Кто вам дал этот телефон?

– С моего телефона на ваш номер звонил однажды ваш муж.

Номер я не стал удалять, мы с ним даже не друзья. А вы мне понравились. Я подумал и решил с вами связаться.

– Извините в обед не смог подъехать. Жена просила подвезти на работу. Тогда встретиться вечером? Вы не ответили. Заехать вечером?

– Нет. Если, если хотите пообщаться, вот мой email.

– Я благодарен вам и за это. А в какое время удобнее общаться? У меня домашние освобождают компьютер не раньше полночи.

– Даже не знаю. Тоже бываю в интернете вечером, чуть раньше вашего туда появления, но не всегда. Может быть днем удобнее в субботу. Можно оставить сообщение, я отвечу, но не в «on line».

– Мы же не дети, зачем терять время на переписки?! Встретимся и будет ясно, хотим друг – друга, или нет... Со мной ясно, я то хочу!

– Как это все не правильно. Мы оба семейные люди. А я вас знаю! Вы, друг Осьмина, да?

– Да! А вы, его каким «боком» знаете?

И, может быть, перейдем на «Ты»?

– Ок.

– Мы семьями с Осьмиными дружили, сейчас отделились. Последнее время в волейбол вместе играли.

– Семьи никто ломать не собирается, но как-то приелось. А у вас? И только? С Лёхой дружили? По Лехе не скажешь, что просто дружить будет. Тот еще «нырок». Ты, волейболистка значит?

– Нет, у нас только дружеские отношения.

– Как смотришь, в сауну сегодня вдвоем поехать с 17—30 до 19—30? Заеду за тобой на работу и туда же потом отвезу, а дома скажешь, что задержали на вечернее совещание.

– Очень шустро! Я морально к такому повороту событий не готова.

– Придется снять заказ. Вроде спортсмены решительнее быть должны. Может, все же, рванём? Что опыт измен равен нулю?!

– Значит я не решительная. Спортсмены тоже разные бывают... Насчет опыта – почти.

– Надеюсь, что это не отказ?

– Лёгкий флирт никому, думаю, не повредит. Но поступают очень откровенные предложения от человека, которого я даже не знаю. Я не уверена, что мне это нужно. Интересно, откуда известно место моей работы и регламент? Может это знакомство затеяно с легкой руки моего мужа?

– О нет! Таких мужей не бывает. Мы с ним не здороваемся даже. В моем доме Вика живет, от нее вся информация.

Она от твоего мужа тащится, и замуж вышла назло ему. Она о тебе все знает, а я от нее узнал подробности о тебе разные. Меня, Костей зовут. Вот ты, всего раз мужу изменила, и что именно не понравилось? Поведай мне на будущее, чтобы учесть.

– Не скажу. Я была как-то раз на вашем спектакле, давно. Заметила, что жена тебя подавила. А про Вику я недавно случайно узнала. Надеюсь, что там нет близости отношений. Не ожидала, что она мной так интересуется.

– Отношений нет, с его стороны пока тормоз. А она готова.

– Спектакли у нас теперь в августе начнутся. А ты меня заметила вон когда еще, а в баню боишься.

– Обязательно приду на спектакли. У нас, как в деревне, все друг друга знают. А ты где меня видел?

– Видел раньше на двух спектаклях, видел на желтом рынке. Из машины сегодня.

С обеда с мужем шла.

Боишься, что сворую?

– Нет, не боюсь. А ты где то рядом работаешь? Чем вообще занимаешься?

– Деньги в бизнес чужой вкладываю. А по натуре я актер и песенник, как Есенин.

– Есенин не писал песен, на его стихи песни писали.

– Грамотная что ли? Отличницей была в школе?

– Не только в школе. У меня два красных диплома!

– Ад и тюрьма – это мой адрес 6—6—33, последние две сложить, получается реально Ад.

– Ты, когда будешь готова на глубокий банный флирт, сообщи, пока я не перегорел.

Ответа от нее не было долго. Но в конце дня она ответила:

– Привет! Ха-ха, пока ты не остыл. Первое свидание не должно начинаться с «глубокого» флирта. Костя, я тебя обидела?

– Моряка обидеть может только чайка, когда «сходит» ему на голову! Я за рулем, за городом. Остановился, вот теперь спокойно пишу. Вечером в компьютер пытался пробиться, жена заняла, хорошо еще сын в Москве, а то вообще засада!

– Понятно, у нас компьютер тоже часто занят, но сейчас уроками никто не занимается. Теперь я одна занимаюсь на курсах. Хожу на технический английский, а по вечерам учу.

– А на каких? Могу забирать с занятий?

– Спасибо, но уже муж забирает. Если я ему скажу, что не нужно, специально пройдет проверит.

– Может его на время в больничку закрыть? Можно подставить под ментов. Все лето будет отмазываться. Момент надо ловить, само в руки ничто не приходит! Я понял, ты, как и я в тюрьме домочадцев! Я вытащу, если хочешь? Меня уже так дома подавили, что я готов душить порой всех, кто мне мешает свободно делать то, чего я хочу.

Последнее сообщение с угрозами было написано умышленно самим мужем с его номера, чтобы прекратить эксперимент над женой, приобретающий опасное направление.

Она тут же перезвонила и обозвала мужа заразой. А муж, позвонил Косте и попросил вернуть СИМ карту и все закончить.

Костя отправил последнее СМС:

– Твой муж испугался и решил свернуть этот эксперимент над тобой. А я то, уже завелся не на шутку. Теперь звони на домашний телефон в рабочее время 33—33—33. Будем без него общаться. Эту СИМ карту отдам ему вечером, на нее больше ничего не пиши. В Интернете тоже не светись, у него там все под контролем. Мы с ним выпили за исход нашего эксперимента и он произнес прикольный тост:

– Если не любишь жену – она изменит тебе!

– Если любишь жену – она изменит тебе!

– Так выпьем же друг, за стабильность женской натуры.

Играть в жизни получилось, а как играть жизнью?

Лейла готовилась к тому времени, когда ее позовет замуж Рустам. Но он даже не звонил, и Лейла сама оправдывалась, как бы за него перед собой. Она размышляла так: « Видимо, там, куда он уехал, нет сотовой связи, а обычный телефон находится только в одном доме, куда можно пройти только по канатному тросу, натянутому между скалами, нависающими над глубоким ущельем, по которому носится дух великого дагестанского поэта Расула Гамзатова в поисках влюбчивого сердца. Эхо его стихов несется по ущельям:

«Женщина, если ты грустна и печальна и тебя никто не любит, значит, погиб в горах Расул Гамзатов!»

Проза жизни состояла в том, что в ее утренней постели снова был Костя.

Она хотела, чтобы Рустам лобзал ее лобзанием уст своих, ибо его ласки лучшее, что она успела попробовать в мире. Но это делал другой, делал, наверное, не плохо, но душа ее молчала...

– Что ты там бормочешь себе под нос? – не выдержав, спросил Константин.

– Ничего! С душой Русика общаюсь на расстоянии.

– Теперь понятно, почему ты вся такая мокрая и приятная сегодня. Трахаешься со мной, а воображаешь, что с ним... Я тебе переписку хотел одну показать, чтобы узнать твое мнение. Посмотришь?

– Покажи.

Лейла притянула к себе телефон и быстро пробежала по строчкам СМС сообщений.

– А, с кем это переписка?

– Не важно. Просто оцени с женской точки.

– Хорошо. Если это ты писал, то повёл себя слишком нагло и шустро. Так не ухаживают.

– А, как нужно было?

– Это неважно уже.

– А, как выкрутить теперь ситуацию? Давай, пофантазируй!

– Скажу одно, она не позвонит тебе домой, а значит, ход может быть только с твоей стороны. Попробуй, ты же мужчина?!

– Я постараюсь её увидеть в обеденное время и предложить вместе пообедать в кафе. Даже, если она откажется, просто подвезу ее домой и назначу встречу.

– Да, правильный ход. Она не пойдет в кафе и не пойдет в ресторан, а на предложение подвезти согласится. И такие короткие встречи, не обязывающие ее ни к чему должны стать ежедневными, за исключением выходных. В выходные дни, она уже будет скучать о тебе. Так должно продолжаться недели три.

– А, потом я пропаду специально, и она почувствует, как уходит из – под ног земля...

– Да, ты прав. Психолог перцев!

– Почему перцев?

– Ну, тогда, хренов, если совсем ты непонятливый!

Так будет ей не хватать этих минут общения, что, когда ты возникнешь вновь, она будет готова на первый поцелуй.

– Я поцелую ее и приглашу в баню!

– Пошел бы ты сам в баню! Нет, так нельзя с девушкой. Предложи ей вечернюю прогулку за город, пообещай, что дашь порулить, сидя у тебя на коленях. Подари букетик, говори комплементы, слушай ее речи, не перебивай. Деньги закинь на её сотовый телефон...

Костя потянулся к Лейле и поцеловал ее в шею.

– Так я должен ее ласкать?

– Да!

– А вот так, должен? Губы его улиткой задвигались к груди девушки.

– Да!

– А так? И он в засос впился губами в ее шею.

– Нет, нет! Лейла задвигала обеими ногами, как бы вращая педали не видимого велосипеда.

– Нежнее, нежнее, намного нежнее...

Да, так! И только меня одну. А про ту женщину забудь.

Костя уже не останавливался и не тормозил. В порыве страсти, он вообразил, что ласкает жену друга, о которой только что откровенничал, а Лейла мыслями и телом была с Рустамом.

То замечательное время, что они жили вдвоем у нее, показало ей положительные и отрицательные стороны кавказского парня:

«Он хороший любовник, заботливый и внимательный человек, который обжегся в первом браке, но это тоже положительная черта. Плохо, что он вынужден был оставить двух маленьких дочурок и уехать жить к больной матери. У него прекрасная и высоко оплачиваемая работа инженера – нефтяника, но страшно алчная и ненасытная к деньгам, почти уже бывшая, но постоянно присутствующая в его телефоне и социальных сетях жена.

А может быть он сейчас с ней, и она пытается вернуть его в семью? И по этой причине он не звонит? Он не знает, как это сказать и что мне сказать...

Зачем, тогда он знакомил меня со своей мамой?»

– Ты будешь сегодня двигаться? – неожиданно спросил Костя.

Лейла машинально шевельнула бедрами и снова погрузилась в свои мысли.

«Может быть, он и не любит меня совсем? Он и не говорил этого ни разу мне. Просто поругался с женой, нашел у меня прибежище и сочувствие, ласку и заботу, и это же совсем не любовь с его стороны, а благодарность? Страшно жить без любви».

Мысли и мечты укутались в одеяло, свернулись калачиком, и унеслись в небытие сна. Лейла мирно спала, прижавшись обнаженной грудью к спине Кости до двенадцати часов, а в 12—00 звонок СМС разбудил их обоих. Рустам сообщал, что вернулся к жене и детям, и просил его простить за всё.

Лейла плакала, не сдерживая слез, а Константин как мог, пытался утешить ее...

Прошел еще один учебный год, в течение которого вереницей пробежали в жизни девушки ухажеры и любовники, однодневки, многодневки, пустоголовые мотыльки, залегающие на свет ее привлекательной внешности и сгорающие в жарком пламени ее эрудиции. Постоянным утешителем ее в постели оставался Костя, а в переписке – подруга Люда. В девяностые годы она покинула город и уехала в глухую сибирскую деревню и из глубинки вразумляла подругу своими письмами, важными и всегда приоткрывающими невероятные грани человеческой сущности.

Люда утешала подругу:

«Ты представляешь Лейла, когда я впервые приехала в эту деревушку со странным названием Гилица, всего в две улицы, маленькой площадью перед сельским советом и кладбищем, то ужаснулась, как могла моя тетка прожить здесь всю свою жизнь. Деревня умирала в прямом смысле, дома никто не ремонтировал, и почти все отсидевшие когда-то в тюрьмах и лагерях жители деревни спивались, разговаривая на матерно-воровском диалекте, разворовывали и пропивали последнее колхозное имущество».

Пропислся и помер председатель Руфимыч, который любил рассказывать бабушкам, просящим вскопать огород анекдот про этот огород...

Мать пишет сыну в тюрьму: «Сынок, на кого ты меня оставил одну? Некому вскопать огород, некому посадить картошку».

Ответное письмо сына: «Мама, не вздумай капать огород, такого там нароешь, что и тебя посадят и мне срок накинута».

Мать снова отвечает: « После твоего письма сынок, приехали менты, весь огород перекопали и ничего не нашли о чем ты предупреждал».

Ответное письмо сына: « Мама, прости, чем мог – помог, вскопал. А картофель сама как – то потихоньку посади».

Прислали после смерти Руфимыча нового председателя, из бывших военных. Кто же его слушать будет?

Он неделю присматривался к людям и хороших сельчан увидел и плохих. Потом вызвал плотников из артели, что находилась по соседству, огородил на площади место и они там, в полной тайне соорудили нечто. Просочилось всего только, что строят по французским чертежам и больше ничего.

Настал день и председатель созвал всех жителей на площадь. Были сняты ограждения и сорвано полотно с постамента. На обозрение сельчан открылась настоящая гильотина во взведенном состоянии.

Речи председатель никакой произносить не стал, а прочитал устав, который защищал предпринимателей, земледельцев, скотоводов, поощрял тех, кто займется ремеслами и торговлей. И в конце добавил, что те, кто не будут честно трудиться, могут еще пока не поздно покинуть Гилюху. Никоим образом, он не упомянул о «монументе», воздвигнутом на площади. Под конец схода люди стали собираться кучками, многие решали, что нового председателя надо убить, но при виде гильотины на площади задавались вопросом, а зачем это сооружение, не для тех ли кто не желает жить по-новому.

Гильотина смотрела на людей, а они на нее и потихоньку дерзость и отвага мятежников, стали уступать место страху. Кто-то уехал. А остальные перестали пить, занялись своими покосившимися заборами и избами и работой на общее благо. Теперь у нас тишь и благодать, работает кузня и ремесла, отремонтирована и запущена маслобойня, заготавливаются лекарственные травы, строится школа и церковь. А на месте гильотины построен и возносит воду ввысь фонтан. Люди ведут себя хорошо не потому, что желают следовать закону, а потому, что боятся наказания. У каждого в душе есть эта гильотина. Пока рассказывала, заметила, что и деревня не случайно называется Гилюхой, очень созвучно гильотине.

Для чего я тебе это всё рассказываю? Для того чтобы ты поняла, что не одна живешь под гнетом страха. Весь мир окутан им как паутиной. Направь свой взор на улицу и я докажу тебе это.

Вот девушка, с ужасной фигурой, уверенной походкой в спортивной форме идет по тротуару. Она притворяется беспечной, увлеченной спортом, а на самом деле трепещет от перспективы пожизненного одиночества.

Вот с коляской прохаживаются, улыбаясь всем молодожены, а на самом деле их снедает страх, куда устроить чадо, чтобы работать, как заработать на своё жильё. Они уже не привлекают бывших друзей, так как заняты выращиванием своего ребенка.

Вот сигналит кому-то из очень дорогой машины мужчина с важным выражением лица, а на самом деле он испытывает страх, что за ним следит жена и, что его новенький автомобиль кто-нибудь украдет или поцарапает от зависти.

Вот взирает на свой новенький магазин его владелец, который из кожи лезет вон и ночами не спит, раскручивая свое дело. Не дает отдыха своим продавцам ни днем, ни ночью, а на самом деле в душе его ужас, ибо он знает, что стоит перейти дорогу чиновникам и при всей его честности отыщутся любые нарушения в его бухгалтерии.

Вот машет кому-то загорелый, красивый парень, его душа полна ужаса, что нужно оправдывать надежды родителей и учиться на хирурга.

Вот жена, которой хотелось бы работать, делать карьеру, тратить время на любимой работе, но она боится мужа.

Вот образцовый отец семейства в тайне пристрастился к водке. Он хотел бы завести ещё и романчик с молодой официанткой, но боится жены.

Вот старик, сидящий на балконе, который бросил курить и не пьет спиртного и уверяет, что это ему надоело и разонравилось, а на самом деле его одолел страх приближающейся смерти.

*Страх одиночества, страх темноты,
Страх правосудия, страх пустоты,
Страх отвержения, страх полюбить,
Страх путешествовать или нигде не побывать,
Страх просить жалости, жалостным быть,
Страх быть бесплодной, детишек растить,
Страх недостатков, достоинств, даров.
Страх, что ты болен, иль слишком здоров.
Страшно, заметят твои накопленья,
Страшно, что все же уйдешь ты в забвенье...
Страх и террор – вот орудия мира,
Та ж гильотина висит над кумиром.
Разница есть лишь для тех, кто прошел,
Хоть половину того, что страшило.
Или любовь к совершенству обрел,
Мир сей, что гласом своим сотворило.*

Может показаться невероятным, но от этого письма и прочитанных стихов Лейле стало легче – словно чужие страдания и страхи притупили ее собственную боль.

Боль потери любимого. В ней была отполирована еще одна грань готовности к потерям.

Лейла неожиданно для самой себя нашла объяснение причины своего появления и существования, а именно осознала, что она – то наказание, которое определил себе Бог за то, что в минуту рассеяния решил сотворить Вселенную. Бог, который обещал в каждом уголке земли поселить чистую, непорочную женщину, сотворил Землю *круглой*, и теперь пожинал плоды своего творения, одним из которых, была она.

Лейла уже давно ощущала себя нечистой и крайне порочной. Оставаясь один на один с компьютерной сетью, она не играла в игры, не читала статьи о любви, а смотрела короткие ролики в разделах многочисленной «клубнички» типа «французский минет», «папа за двойки наказывает дочь сексом», «секс со звездами» и подобной порно каки. Правда, были и минуты чтения анекдотов, статей, связанных с психоанализом и прослушивания музыки. Анекдоты типа:

«Клавдия Семёновна утонула в пруду, не смотря на то, что была по знаку Зодиака рыбой, в постели бревном, а по жизни говном», – Лейла рассылала знакомым.

АНДРЕЙ

За какой-то короткий промежуток времени, не более года, Лейла стала из покладистой и комфортабельной в общении девушки, невыносимой вороной. И я, чтобы совсем не терять с ней связь, познакомил ее с моим другом Андреем.

Андрей был довольно способным человеком. Некоторые его рисунки очень высоко оценили компетентные людьми, которые обычно в своих суждениях не ошибались и кото-

рые предсказывали Андрею блестящее будущее. Два или три стихотворения, написанные им, были не менее замечательны, чем его рисунки.

Но у него не хватало творческой или душевной силы довести, что бы-то ни было до конца. Время доказало, что и те кто оценил его рисунки и те кто находил замечательными его поэзию, жестоко ошиблись. Не в своих суждениях об их эстетических достоинствах, а в том, что Андрею предстояло большое будущее в живописи или литературе. Но все мы тогда верили в будущее, и Андрей в этом смысле не составлял исключения.

Соображения об искусстве играли в его жизни очень значительную роль. Но все-таки главное

место в его существовании занимали те бурные чувства, которые он был склонен испытывать и которые оттесняли вопросы искусства на второй план.

Приблизительно в эти же времена вся его жизнь изменилась, так как отец настоял на обучении Андрея в техническом вузе, там мы с ним и познакомились, и там на одной из дискотек, я и познакомил его с Лейлой.

Видимо Лейле было суждено сыграть в жизни Андрея очень важную роль.

Когда она однажды проходила по кафе, подняв голову и прямо глядя перед собой, один из наших товарищей сказал, что она похожа на царицу.

С тех пор никто из нас ее иначе не называл. Между прочим, в этом замечании было что-то очень верное: со стороны казалось, будто эта девушка действительно несет в себе невидимый царственный генотип. Она была очень красива. Она была красива настолько, что даже ее нелепый грим; вместо бровей у нее были две тонкие линии, нарисованные черным карандашом и резко загибавшиеся

кверху, губы она красила помадой, в которой преобладал фиолетовый цвет, даже этот грим не производил того убийственного впечатления, которое он должен был бы производить.

Волосы ее были выкрашены в бледно-желтый с рыжим отливом цвет.

Раньше, познакомившись с ней ближе, и проводя в ее постели, достаточно много времени, я узнал, что каждое утро она проделывала над своим лицом не меньшую работу, чем актер, который гримируется перед выходом на сцену. Это, впрочем, не мешало ей повторять, что ее наружность, ее

совершенно не интересует.

Но конечно, если бы все ограничивалось только внешним видом, она никогда не имела бы того успеха, который сопровождал ее всюду, где она появлялась.

Лейла по национальности была кабардинкой, вдобавок, кажется, с примесью еврейской крови. Она поступила на историко-филологический факультет педагогического института, а потом перевелась к нам в АЭИ.

Причем она не знала таких вещей, как скорость света, закон Ома, прогрессия, логарифмы или закон притяжения. Но в области искусства и психологии у нее были познания столь же обширные, сколь неожиданные. Впрочем, ее интересовало только это, все остальное казалось ей не заслуживающим внимания. Денег у нее было очень мало, жила она в небольшой съемной квартире. Откуда Лейла

получала те скудные средства на жизнь, которыми она располагала, тоже долгое время было неизвестно, и только однажды совершенно случайно выяснилось, что

некоторую сумму каждый месяц ей присылал тот самый ее отец, которого, как она говорила, не существовало. Ей было двадцать два или двадцать три года.

Чего она совершенно, казалось, не выносила, это была простота. Простота в искусстве или в человеческих отношениях, ей казалась чем-то унижительно примитивным. Это прояв-

лялось даже в самых обыкновенных разговорах. Лейла, например, никогда прямо не отвечала на поставленный ей вопрос:

«Ты будешь завтра в институте?»

Она как будто была просто неспособна прямо ответить «да, буду», или «нет, не буду».

Она говорила: «Почему это тебя может интересовать?» Или: «Не все ли тебе равно?»

Поэтому сколько-нибудь длительное пребывание с ней было утомительно, несмотря на то, что она нередко бывала интересной собеседницей.

У нее были большие карие глаза с неизменно сердитым выражением, и даже в ее смехе всегда слышался оттенок какого-то непонятного и, в сущности, беспредметного гнева.

Множество ее поступков отличалось раздражающей непоследовательностью. Она улавливалась с кем-нибудь идти в кино, за ней заходили, ее не оказывалось дома, или она оставляла записку – «я раздумала». Она обещала прийти и не приходила.

Но другим она никогда не прощала, ни непоследовательности, ни неточности. Ей же это чаще всего прощалось потому, что ни у кого из нас не возникало сомнения о том, что за всей этой раздражающей ее внешней неприемлемостью должен существовать или не может не существовать целый мир, эмоциональная напряженность которого была одновременно бесспорна и неудержимо соблазнительна. Надо было только преодолеть эти внешние препятствия.

И ради того, чтобы проникнуть, наконец, в этот мир, это, конечно, стоило сделать.

Если в этом были убеждены не все или, вернее, не все были убеждены до конца, то Андрей для этого был готов на любые испытания.

Я свою порцию испытаний и наслаждений от нее получил, и был выставлен за дверь окончательно.

Со стороны можно было подумать, что Андрей создан именно для того, чтобы стать ее новой жертвой.

С самого начала установилось то, что определило их отношения: ей было позволено многое, ему не прощались ни одна ошибка. Причем, ошибкой могло быть все: не та интонация, недостаточная быстрота или точность ответа, неверное движение – все, что угодно. Он как-то пришел ко мне с сияющим видом и сказал, что Лейла, наконец, согласилась принять от него в подарок книгу стихов, выбор которой она предоставляла ему. Но когда я встретил его на следующий день, он был мрачен, печален и неразговорчив.

– Какую книгу ты купил и, как она была принята? – спросил я.

Он пожал плечами, вздохнул и ответил, что он купил ей Омара Хайяма. А она, вернула ему книгу, сказав, что ей не нужна такая муть, и попросив его при этом больше не приходиться к ней. Он ушел в отчаянии, совершенно не понимая причины ее внезапного и необъяснимого раздражения.

Каждый раз, когда он звонил ей по телефону, она, узнав его голос, немедленно сбрасывала звонок.

– Да пошли ты ее ко всем чертям, – посоветовал я ему, когда он рассказал мне это.

– Такой эмоциональной возможности у меня нет, – ответил он.

– Если бы ты знал ее лучше, ты понял бы почему.

Я – то знал ее, ещё как знал, но молчал.

Мне было его жаль, и я спросил Лейлу, почему она жестоко обошлась с ним.

– Я хотела, чтобы он купил мне Есенина, – сказала она, – а он, дурак, не мог догадаться.

Я передал ему это. Тогда он купил ей несколько книг, в том числе томик С. Есенина, и оставил ей этот пакет в аудитории на ее месте. Через два дня он решился опять позвонить ей по телефону. Он стоял с трубкой в руке, глотая от волнения слюну и ожидая ее ответа. Она радостно сказала:

– Что же ты так давно не звонил? Я по тебе соскучилась!

Когда он первый раз обнял ее, она дала ему пощечину и заявила, что такой подлости, она от него не ожидала, и что между ними все кончено.

Он не спал две ночи. На третий день вечером она пришла к нему. У Андрея была небольшая квартира возле ЖД вокзала, в которой он жил один.

Она вошла, взглянула на него своими сердитыми глазами и жадно его поцеловала.

Она провела у него всю ночь, а рано утром он отвез ее на такси в институт.

После этого, пьяный от восторга, он явился ко мне, разбудил и стал кричать, что я никогда не пойму, что я не могу себе представить, что это такое секс с царицей... Я поздно лег накануне, мне очень хотелось спать, и кроме того, я действительно не понимал, что могло привести его в такое состояние. Когда он, наконец, объяснил мне, в чем дело, я только сказал ему:

– Ну, желаю тебе дальнейшего счастья, милый друг, – и заснул.

Когда я проснулся, его не было, но бутылка Токайского была пуста. Он, по-видимому, просидел в моей комнате часа два, восстанавливая в памяти все, что произошло, и, думая о своем ослепительном счастье.

Много позже, стараясь себе представить, что, в сущности, определяло ту вздорную жизнь, которую вела Лейла и которой она, когда могла, заставляла вести других, я пришел к выводу, что это было желание не принимать того, что происходило, а создавать то, что должно было происходить.

Тот, с кем она начинала какой-то разговор, о котором раньше задумала, должен был отвечать так, как она себе это заранее представила и не иначе. И то, что случилось, должно было происходить, именно так, как это уже произошло ранее в ее воображении. В этом был какой-то абсурдный и неизлечимый эгоцентризм. И для того, чтобы поступки и поведение человека соответствовали ее представлениям, нужно было бы, чтобы

он перестал быть самим собой и стал бы чем-то вроде книги, которую она написала. Это, конечно, не могло быть именно так, она всё прекрасно знала и понимала, но это неизменно приводило ее в бешенство. Кроме того, она упорно отказывалась от ответственности за свои поступки и от выводов, которые из них могли быть сделаны. Когда Андрей, придя к ней на следующий вечер, положил ей руку на плечо, она сбросила ее резким движением и сказала ему, что просит никогда больше этого не делать. Он опять впал в отчаяние —

состояние, в которое он приходил очень часто и очень легко. На этот раз оно продолжалось пять дней, после этого повторилось то, что было у него на квартире. Через некоторое время он совершенно потерял представление о действительности, ничего не знал и ни в чем не был уверен, кроме того, что вне Лейлы его жизнь не имеет никакого смысла. Это было в известной степени верно: вне Лейлы его жизнь действительно не имела смысла. Но и с Лейлой

тоже – с чем он, однако, никогда не согласился бы.

– Ты, конечно, не тот человек, который мне нужен, – сказала она Андрею однажды.

Ты понимаешь, тот, кому я отдала бы себя всю, должен был бы быть, прежде всего, выше меня во всех отношениях. Я должна была бы все время чувствовать над собой его умственное и физическое превосходство.

Его понимание искусства должно было бы быть непогрешимым. Его душевные движения

увлекали бы меня за собой. Это должен был бы быть человек, который выделяется среди всех остальных. Ты понимаешь?

А что ты из себя представляешь? У тебя есть некоторые способности, но это все. Этого для меня недостаточно.

Через некоторое время Андрей получил известие о том, что его мать, живущая в Актау, больна. Андрей показал Лейле телеграмму от доктора и сказал, что он должен ехать в Актау и пришел с ней попрощаться. Она взглянула на него своими сердитыми глазами и сказала:

– Неужели ты думаешь, что в такие минуты я оставлю тебя одного? Неужели ты мог сомневаться в том, что я поеду вместе с тобой? Ты представишь меня твоей маме как свою невесту.

Она действительно поехала с Андреем в Актау и провела там два месяца, в течение которых, мать Андрея умирала от рака печени. Она проявила необыкновенную самоотверженность, не отходила от постели больной, не спала

ночами и когда, после похорон, она вернулась в Алма-Ату, Андрей, по первому ее слову, был готов сделать все, что она потребовала бы. Я подумал тогда, что он был прав, сказав мне однажды, что Лейла способна на все, и поступков ее нельзя предвидеть.

Он как-то сказал ей, набравшись храбрости:

– Ты считаешь себя умнее всех кого ты знаешь?

– Нет, себя я не считаю особенно умной.

Я только считаю глупыми других, во всяком случае, многих. Кроме того теоретического человека, который мне был бы нужен? Кроме этого воображаемого мной человека, – ответила Лейла.

«Она всегда считает, что поступает правильно и живет именно так, как нужно», – сказал мне после этого Андрей и, что разубедить ее в этом нельзя.

Я знал о ней то, чего не знал Андрей. Например, то, что произошло вчера, ни к чему не обязывало ее сегодня. Какая-то значительная часть душевной жизни у нее была просто атрофирована. У нее не было воспоминаний. Сегодняшний день, с наступлением темноты, уходил в небытие, и то, что произошло за этот день, переставало существовать. Она очень любила музыку, хотя была совершенно лишена музыкального вкуса и не могла отличить одну мелодию от другой.

Последовательность звуков приводила ее в состояние необыкновенного душевного возбуждения. Но запомнить и пропеть эти звуки она не могла. Она забывала их так же, как она забывала свои чувства и свою собственную жизнь, и жизнь тех, кто был с ней связан и кто уходил в прошлое, о котором у нее не оставалось воспоминаний.

ПРОШЛИ ГОДЫ

Лейла и Андрей прожили вместе несколько лет. Она много раз уезжала и уходила от него, он посылал ей телеграммы, длинные, как письма, затем она возвращалась, и все начиналось сначала. Потом Андрей был призван в пограничные войска.

Лейла исчезла. Она совершенно растворилась, не давала о себе знать никому. Андрей же оказался отрезан казармой от мира.

Я не видел его около двух с половиной лет,

и не сразу узнал: он возмужал, похорошел, изменился. Но он узнал меня. Мы вошли с ним в кафе, это было в парке «28 Панфиловцев». Он сразу заговорил о Лейле. Сказал, что ездил разыскивать ее и не нашел, что ее нет нигде.

«Даже этого утешения у меня нет, знать, где и с кем она», – сказал он. Андрей замкнулся, ушел в себя и не мог найти в себе усилие необходимое для того, чтобы жить новой жизнью.

У него ничего не осталось: ни тех смутных надежд на какое-то будущее в искусстве, которые были у него в молодости, ни того смысла жизни, который представляла для него

Лейла. И, конечно, для человека с его эстетическими взглядами то, чем он вынужден был заниматься, а именно, чертить схемы по гражданской обороне, набирать методички для преподавания на военной кафедре, казалось последней степенью падения. Трудно было надеяться, что теперь, в его возрасте, он вдруг начнет другую жизнь. Этому мешали, в частности, воспоминания о Лейле. Никакая другая женщина не могла занять ее места в его сердце.

И так как прошли годы с того дня, когда они расстались, воспоминание о ней оставалось таким, каким оно было в самом начале.

Уже для меня казалось очевидным, это не может измениться. Я узнал через некоторое время, что он написал о ней целую книгу. Полистав рукопись, я был разочарован, потому что Лейла, была описана так наивно романтически и так фальшиво, что это делало всю книгу о ней совершенно неубедительной.

Я думал о Лейле так же часто, но знал ее лучше Андрея, и по этой причине взялся за свой вариант, нет ни книги, а рассказа.

Что осталось от нее? Наши воспоминания и истории ее сумбурной жизни, о которой в институте ходили сплетни и легенды, мой личный опыт интимного общения с ней? Не густо.

Но все-таки, думая о Лейле, можно было теоретически предполагать, что только смерть остановила ее на том пути, который ей предстоял и который, быть может, был бы блистательным. И конечно, если бы она была жива, то и жизнь Андрея сложилась бы иначе.

Через многие годы после моей встречи с Андреем, путешествуя по Турции, я оказался в небольшом городке на берегу Черного моря. Риза невероятным образом возвращала меня в детские переживания к сказкам о Багдаде, где «всегда всё спокойно». Раннее утро там начиналось с перелива голосов, раздававшихся с множественных минаретов, неспешного чаепития и бесед с хозяевами магазинов, лавочек, мелких мастерских и мануфактур.

Они довольно хорошо изъяснялись на русском языке.

Был там пожилой турок хозяин гостиницы, говоривший со мной на том языке, который он искренно считал русским, но который в действительности представлял собой результат его личного творческого усилия, и был одинаково далек и от английского, и от русского, напоминая, однако, и тот и другой одновременно. Он рассказывал мне о своих соседях, политике, бизнесе, об отце всех тюрков, жильцах его отеля, о жителях Ризы. Вообще он говорил обо всем и даже об искусстве, которое, по его мнению, перестало существовать приблизительно в первой половине семнадцатого столетия. Он заговорил однажды о том, что перестройка в России заставила многих тюрков ради прибыли покинуть родину, из которой при других обстоятельствах они ни когда не уехали бы, и идти рисковать своей жизнью в чуждой и холодной России. Он рассказал мне историю сапожника, который жил недалеко от пансиона и которого он был постоянным клиентом. Сапожник этот родился и вырос в Ризе, и ему ни когда не приходила даже в голову мысль, что он может покинуть свою улицу и свой город, ну если только по делам, в соседний городок Трабзон. Такой прекрасный сапожник и такой хороший молодой человек. И вот он был вынужден по делам расширившегося бизнеса попасть в Алма-Ату.

Два года он безвылазно прожил в Казахстане, и только когда там наладил свое обувное предприятие, наконец, вернулся в родной город.

Из Алма-Аты, между прочим, он привез с собой королеву, это тоже было не нужно, в Ризе достаточно красивых турчанок.

Но он женился на своей чужеземной королеве и вернулся к тому сапожному делу, которое никогда не должен был бросать. Жена, которую он привез, ему помогает. Она раньше сапожного ремесла совсем не знала, но теперь научилась хорошо работать, умело заводит связи с приезжими русскоязычными челночниками и хозяевами магазинов.

– А что же она делала в Алма-Ате? – спросил я.

– Была, вероятно, бедной одинокой женщиной, – сказал он.

– Ей повезло, она нашла человека с хорошим ремеслом, он неплохо зарабатывает.

В прошлом году они даже ездили в круиз на лайнере по морю. Вот смотри, как сложилась судьба этих людей.

Он мог бы никогда отсюда не уезжать, она бы доживала свою одинокую жизнь в Казахстане.

Ему бы не хватало ее, ей не хватало бы его. Но оттого, что коммунисты потеряли власть в СССР во времена перестройки, наш сапожник оказался в Алма-Ате, а она приехала в Ризу, о которой до этого, вероятнее всего, ничего не знала.

Я был значительно менее склонен к философствованию, чем хозяин пансиона, потому, что история сапожника не произвела на меня особенного впечатления. Любая деталь в архитектуре древнего города или его обыденные звуки, казались мне бесконечно более важными, чем та или другая судьба, переворот или перестройка, смерть того или иного диктатора и участь их современников, в том числе сапожника и его жены. Я думал тогда о других вещах и, в частности, о том, что всякий раз, когда я вырывался из той жизни, которую вел и, которая была ограничена кругом незначительных, в сущности, идей и представлений и приобщался к созерцанию новых мест на земле, то впадал в состояние

иступленного и трагического восторга, по сравнению с которым все остальное казалось совершенно неважным.

Я шел однажды вечером по городу, без определенной цели, думая об этом и вдруг вспомнил один из разговоров, который у меня был с Андреем.

Он рассказывал мне о своих впечатлениях от Стамбула. Это была его первая заграница.

Из всего, что он видел, ему больше всего запомнилась тогда набережная и сам Босфор, он прочитал свой стих:

Вечернее, тёплое, нежное море
И ветер Босфора, ласкающий кожу,
Улыбки туристов, улыбки прохожих,
Кораблики, лодочки, яхты в просторе.
Натянуты лески, и уды блестят,
Рыбачит полгорода, думаю, точно,
Другие, торгуя уловом, стоят,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.